

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

ЯНВАРЬ • 2016

Постановление от 14 января 2016 года № 1-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 13 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201601190016; дата опубликования: 19.01.2016)

Правовые категории в Постановлении: право на пенсию за выслугу лет; исправление ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии; социальное государство; принцип правовой определенности; принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства; принцип справедливости; баланс частных и публичных интересов.

Заявитель: гражданин С. В. Иванов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть первая статьи 13 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» постольку, поскольку на ее основании решается вопрос о прекращении выплаты пенсии за выслугу лет лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел по выслуге лет, дающей право на получение пенсии, в случае, если после устранения пенсионным органом допущенной при ее назначении ошибки в подсчете стажа службы (выслуги лет) данного лица будет установлено, что его

продолжительность недостаточна для возникновения указанного права.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение нарушает права, гарантированные статьями 7, 19 (часть 1), 35 (часть 3) и 39 (части 1 и 2) Конституции РФ, поскольку допускает возможность прекращения выплаты лицу, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет непосредственно органом, ранее назначившим данную пенсию, но впоследствии выявившим отсутствие оснований для ее назначения, вне зависимости от каких-либо виновных действий пенсионера и времени, прошедшего с момента начала выплаты пенсии.

Итоговый вывод решения: оспариваемая норма признана соответствующей Конституции РФ как закрепляющая условия назначения пенсии за выслугу лет сотрудникам органов внутренних дел и тем самым являющаяся необходимым элементом правового механизма реализации права указанных лиц на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления ими профессиональной деятельности.

Эта же норма признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 2, 7, 18, 39 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той

мере, в какой она в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 5 статьи 24 Федерального закона «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации», предполагает безусловное прекращение выплаты гражданину, уволенному со службы в органах внутренних дел, пенсии за выслугу лет, назначенной ему ошибочно в результате неправильного подсчета уполномоченным государством органом стажа службы (выслуги лет), притом что сам гражданин при приобретении статуса получателя пенсии за выслугу лет действовал добросовестно, — без учета продолжительности периода, прошедшего с момента ее назначения, продолжительности периода, недостаточного до достижения установленной законом выслуги лет, значимости для этого гражданина пенсии в качестве источника дохода и иных заслуживающих внимания обстоятельств — и тем самым не обеспечивает при исправлении допущенной ошибки соблюдение конституционных принципов правовой определенности, справедливости и соразмерности (пропорциональности), поддержания доверия граждан к действиям государства, а также баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов.

Судебные постановления по делу С. В. Иванова подлежат пересмотру, при условии, что для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. Конституционный Суд неоднократно указывал, что Конституция РФ обязывает государство охранять достоинство личности как необходимую предпосылку и основу всех других неотчуждаемых прав и свобод человека, условие их признания и соблюдения (см.: *постановления от 3 мая 1995 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 23 сентября 2014 года № 24-П; определения от 15 февраля 2005 года № 17-О, от 1 марта 2010 года № 323-О-О и др.*). Тем самым предполагается установление такого правового регулирования в сфере пенсионного обеспечения, которое в соответствии с принципами правовой определенности и поддержания доверия граждан к закону и действиям государства гарантировало бы гражданам, что решения о назначении пенсии принимаются уполномоченными государством органа-

ми на основе строгого исполнения законодательных предписаний, а также внимательного и ответственного подхода к оценке фактических обстоятельств, с которыми закон связывает возникновение права на пенсию, тщательности при оформлении документов, подтверждающих наличие условий, необходимых для назначения пенсии и определения ее размера, с тем чтобы гражданин как участник соответствующих правоотношений мог быть уверен в стабильности своего официально признанного статуса и в том, что приобретенные в силу этого статуса права будут уважаться государством и будут реализованы.

В соответствии с оспариваемым законоположением основным условием приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет является наличие у него на день увольнения выслуги 20 лет и более (пункт «а»), а при определенных обстоятельствах — и меньшей продолжительности, но не менее 12 лет шести месяцев (пункт «б»).

Избрание в качестве основного (а в ряде случаев — единственного) требования для приобретения сотрудником органов внутренних дел права на пенсию за выслугу лет такого критерия, как служба определенной продолжительности, обусловлено как характером государственной службы, так и финансированием пенсий за выслугу лет за счет средств федерального бюджета. Таким образом, оспариваемая норма, является необходимым элементом правового механизма реализации их права на пенсионное обеспечение с учетом характера и продолжительности осуществления профессиональной деятельности и сама по себе не может рассматриваться как нарушающая конституционные права граждан.

Как отмечал Конституционный Суд, гражданин не может реализовать свое субъективное право на пенсионное обеспечение без принятия уполномоченным органом решения о предоставлении ему пенсии определенного вида и размера, и в силу такого решения у органа, осуществляющего пенсионное обеспечение, непосредственно перед этим гражданином, как участником (субъектом) данного вида правоотношений, возникает обязанность по своевременной и в полном объеме выплате ему пенсии (см.: *Определение от 19 мая 2009 года № 541-О-О и др.*).

В целях назначения сотруднику органов внутренних дел пенсии за выслугу лет стаж его службы (выслуга лет) исчисляется уполномоченными государством органами (кадровыми подразделениями и пенсионными органами по последнему месту службы). Официальное подтверждение наличия или отсутствия у него права на пенсию за выслугу лет необходимо для принятия решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел по такому основанию, как выслуга срока службы, дающего право на пенсию, поскольку его увольнение по данному основанию правомерно лишь в том случае, если полностью соблюдены условия, предусмотренные частью первой статьи 13 оспариваемого Закона РФ.

По смыслу действующего правового регулирования, обнаружение ошибки, допущенной пенсионным органом и выразившейся в назначении пенсии за выслугу лет без достаточных оснований, влечет за собой безусловное прекращение ее выплаты. Сам по себе такой способ исправления подобных ошибок, как прекращение выплаты ранее назначенной пенсии, не может рассматриваться как несовместимый с требованиями Конституции РФ.

Вместе с тем правовой механизм исправления ошибки, допущенной пенсионным органом при назначении пенсии гражданину, должен обеспечивать баланс конституционно

защищаемых ценностей, публичных и частных интересов на основе критериев разумности и соразмерности (пропорциональности). Это, в свою очередь, предполагает наряду с учетом публичных интересов, выражающихся в назначении пенсии исключительно при наличии предусмотренных законом оснований и в целевом расходовании финансовых ресурсов, предназначенных на выплату пенсий, учет интересов пенсионера, которому пенсия по вине уполномоченного государством органа была назначена ошибочно, с тем чтобы пенсионер не подвергался чрезмерному обременению, притом, однако, что с его стороны отсутствуют какие-либо нарушения.

Бремя неблагоприятных последствий, связанных с устранением выявленной ошибки, должно распределяться на основе общеправового принципа справедливости, исключая формальный подход, и с учетом особенностей жизненной ситуации, в которой находится гражданин, продолжительности периода, в течение которого он получал назначенную по ошибке пенсию, и других значимых обстоятельств.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 сентября 2009 года по делу «Москаль (*Moskal*) против Польши».

Постановление от 19 января 2016 года № 2-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного социального страхования»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201601200002; дата опубликования: 20.01.2016)

Правовые категории в Постановлении: страховые взносы; юридическая ответственность; смягчающие обстоятельства; индивидуализация наказания.

Заявители: Арбитражный суд города Москвы и Арбитражный суд Пензенской области (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: подпункт «а» пункта 22 и пункт 24 статьи 5 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ, как исключаяющие возможность установления в

процессе правоприменения смягчающих ответственность обстоятельств и их учет при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение правонарушений, ответственность за которые установлена Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования».

Позиция заявителей: по мнению заявителей, оспариваемые законоположения, как не

допускающие для органов контроля за уплатой страховых взносов и судов возможность принимать во внимание смягчающие ответственность обстоятельства при назначении наказания плательщикам страховых взносов за совершение соответствующих правонарушений, противоречат статье 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые законоположения не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 2, 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (части 2 и 3). Федеральному законодателю надлежит внести в законодательство Российской Федерации о страховых взносах изменения, позволяющие индивидуализировать наказание, учесть характер и степень вины нарушителя, иные заслуживающие внимание обстоятельства. Впредь до внесения необходимых изменений законодательство Российской Федерации о страховых взносах подлежит применению с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, сформулированных в настоящем Постановлении.

Мотивы решения. В целях обеспечения исполнения плательщиками страховых взносов обязанности по их уплате, которая вытекает в том числе из статьи 57 Конституции РФ, распространяющей свое действие на обязательные платежи публично-правового характера, а также возмещения ущерба, причиненного ее неисполнением, федеральный законодатель установил систему страховых сборов и предусмотрел меры государственного принуждения, которые могут быть как праввосстановительными, обеспечивающими исполнение плательщиками страховых взносов его обязанности по уплате страховых взносов, так и штрафными, возлагающими на нарушителей в качестве меры ответственности дополнительные выплаты.

При установлении юридической ответственности в данной сфере федеральный законодатель должен соблюдать определенные принципы, изложенные в ряде решений Конституционного Суда РФ (см.: *постановления от 15 июля 1999 года № 11-П, от 25 января 2001 года № 1-П, от 17 июля 2002 года № 13-П, от 19 марта 2003 года № 3-П, от 13 марта 2008 года № 5-П, от 27 мая 2008 года № 8-П, от 13 июля 2010 года № 15-П, от 18 мая 2012 года*

№ 12-П, от 17 января 2013 года № 1-П, от 14 февраля 2013 года № 4-П, от 25 февраля 2014 года № 4-П и др.).

До 1 января 2015 года действовала статья 44 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», которая предполагала установление обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность за совершение правонарушения, судом или органом контроля за уплатой страховых взносов, рассматривающим дело, и их учет при привлечении к ответственности (часть 4), причем перечень смягчающих обстоятельств носил открытый характер (часть 1).

В качестве отягчающих ответственность обстоятельств названный закон рассматривал только одно обстоятельство — совершение правонарушения лицом, ранее привлеченным к ответственности за аналогичное правонарушение (часть 2 статьи 44). Каких-либо специальных правил учета отягчающих обстоятельств данный закон не предусматривал, а соответственно, правоприменитель не мог назначить более высокий размер штрафа в случае наличия отягчающих обстоятельств, однако мог взвесить эти обстоятельства и обстоятельства, смягчающие ответственность, при решении вопроса о возможности снижения штрафа.

С принятием Федерального закона от 28 июня 2014 года № 188-ФЗ указанная статья утратила силу, а его статья 39 «Вынесение решения по результатам рассмотрения материалов проверки» подверглась изменениям: в настоящее время руководитель (заместитель руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов (а значит, и суд) выявляет только обстоятельства, исключающие вину лица в совершении правонарушения (пункт 4 части 6 статьи 39). При этом он должен руководствоваться перечнем исключяющих вину лица обстоятельств, который закреплен в пунктах 1–3 части 1 статьи 43, тогда как согласно пункту 4 части 1 той же статьи суд вправе признать исключяющими вину лица в совершении правонарушения и иные обстоятельства, помимо указанных. Выявлять же обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершение

правонарушения, и учитывать их при назначении наказания руководитель (заместитель руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов не должен, в связи с чем и суд, по буквальному смыслу названных законоположений, при проверке законности и обоснованности решения о привлечении к ответственности также не может учесть такие обстоятельства и снизить размер назначенного наказания.

По смыслу правовой позиции, содержащейся в Постановлении от 22 апреля 2014 года № 13-П установление в качестве наказания штрафа, размер которого является значительным, требует и введения правил его дифференциации в зависимости от характера совершенного правонарушения, размера причиненного вреда, степени вины правонарушителя, его имущественного положения и иных имеющих существенное значение обстоятельств; такая дифференциация предполагает, по общему правилу, использование конструкции относительно определенной санкции с установлением нижнего и верхнего размера штрафа. Вместе с тем она не исключает и возможность назначения наказания ниже низшего предела санкции в случаях, связанных с характером совершенного правонарушения и его последствиями, личностью и имущественным положением привлекаемого к ответственности лица, а также с учетом иных смягчающих и отягчающих обстоятельств (см.: *постановления от 14 февраля 2013 года № 4-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П*).

Федеральный закон «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования», закрепляя ответственность плательщиков страховых взносов за правонарушения, предусмотренные его статьями 46 и 47, предусматривает абсолютно определенные санкции и не предоставляет правоприменителю дискреционной возможности варьировать размер наказания за конкретные правонарушения.

Хотя установленные этим Федеральным законом наказания для плательщиков сборов ограничены максимальным пределом, они могут достигать значительных размеров. Предоставление же плательщикам сборов отсрочки (рассрочки) по уплате штрафов, как

указывал Конституционный Суд РФ, будучи, по сути, лишь условием исполнения соответствующего правоприменительного решения, никоим образом не влияет на размер штрафа, который подлежит уплате лицом, и, следовательно, в качестве действенного средства, позволяющего обеспечить индивидуализацию содержания (объема) ответственности и тем самым — соразмерность назначенного наказания, выступить не может (см.: *постановления от 17 января 2013 года № 1-П и от 25 февраля 2014 года № 4-П*).

Данное правовое регулирование, обязывающее руководителя (заместителя руководителя) органа контроля за уплатой страховых взносов выявлять обстоятельства, исключающие вину лица в совершении правонарушения (пункт 4 части 6 статьи 39 названного Федерального закона), не позволяет учесть затруднительное финансовое и имущественное положение лица, совершившего нарушение законодательства Российской Федерации о страховых взносах, иные смягчающие ответственность обстоятельства, а потому не позволяет при определении меры ответственности избежать избыточного ограничения имущественных прав указанных лиц. Такой правовой механизм не способен в каждом конкретном случае привлечения лица к ответственности в полной мере обеспечить адекватность применяемого государственного принуждения всем обстоятельствам, имеющим существенное значение для индивидуализации ответственности и наказания за совершенное правонарушение, а следовательно, не достигает цели обеспечения баланса конституционно значимых целей и ценностей. Произведенная федеральным законодателем в статье 47 названного закона дифференциация ответственности в зависимости от того, совершено ли противоправное деяние умышленно или по неосторожности, также не свидетельствует о том, что в распоряжении правоприменителя имеется достаточно средств для индивидуализации ответственности.

Отмена положений названного закона о смягчающих обстоятельствах привела к отсутствию в действующей системе правового регулирования ответственности плательщиков страховых взносов какой бы то ни было возможности снизить размер штрафа, что не позволяет индивидуализировать наказание, учесть характер и степень вины нарушителя,

иные заслуживающие внимание обстоятельства и тем самым приводит к нарушению прав плательщиков страховых взносов, обеспечиваемых конституционными принципами юридической ответственности, вытекающими из статей 1 (часть 1), 2, 8 (часть 2), 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (части 1 3) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ.

В целях достижения баланса конституционно значимых ценностей и в интересах субъектов права федеральный законодатель обязан определить порядок снижения размера штрафа за нарушение положений законодательства Российской Федерации о страховых взносах, с тем чтобы обеспечить как индивидуализацию ответственности, так и ее неотвратимость, в частности, в рамках своей дискреции установить органы, имеющие право снижать размер штрафа, условия снижения размера штрафа, правила учета отягчающих и смягчающих ответственность обстоятельств при определении окончательного размера наказания, а также минимальный размер штрафа, ниже которого при любых

обстоятельствах наказание назначено быть не может.

Впредь до внесения в правовое регулирование надлежащих изменений принятие решения об учете смягчающих ответственность обстоятельств при применении санкций, предусмотренных Федеральным законом «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» за нарушение положений законодательства Российской Федерации о страховых взносах, допускается только в исключительных случаях и только в судебном порядке: если санкция была применена должностным лицом фонда, суд (безотносительно к законодательному регулированию пределов его полномочий при судебном обжаловании решений о применении мер ответственности), рассмотрев соответствующее заявление привлекаемого к ответственности лица, не лишен возможности снизить размер ранее назначенного ему штрафа.

ФЕВРАЛЬ • 2016

Постановление от 15 февраля 2016 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений части 9 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201602170027; дата опубликования: 17.02.2016)

Правовые категории в Постановлении: действие закона во времени; срок исковой давности; обратная сила закона; бессрочные обязательства; право на судебную защиту; свобода договора.

Заявитель: гражданин Е. В. Потоцкий (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее дей-

ствовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК РФ о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательств, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

Позиция заявителя: оспариваемое положение во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 200 ГК РФ, выступая основанием для отказа в удовлетворении искового требования по обязательству, возникшему до вступления в силу Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ, не отвечает требованиям соразмерности ограничения прав, приводит к чрез-

мерному вмешательству в порядок исполнения договорных обязательств, возникших до вступления в силу нового правового регулирования, и препятствует реализации права на судебную защиту, чем противоречит статьям 17 (часть 1), 21 (часть 1), 41 (часть 1), 46 (часть 1), 54 (часть 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: часть 9 статьи 3 Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 17 (часть 1 и 3), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о применении к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года, положения абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК РФ о том, что срок исковой давности не может превышать десяти лет со дня возникновения обязательства, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования.

Мотивы решения. Абзац второй пункта 2 статьи 200 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 сентября 2013 года, связывал начало течения срока исковой давности по обязательствам, срок исполнения которых не определен или определен моментом востребования (далее — бессрочные обязательства), с возникновением у кредитора права предъявить требование об исполнении обязательства и не устанавливал при этом для возможности судебной защиты прав каких-либо ограничительных сроков.

В переходных положениях Федерального закона от 7 марта 2013 года № 100-ФЗ, которым среди прочего с момента возникновения обязательства был установлен десятилетний пресекательный срок для обращения в суд, предусматривалось, что новые сроки исковой давности и правила их исчисления применяются к требованиям, сроки предъявления которых были предусмотрены ранее действовавшим законодательством и не истекли до 1 сентября 2013 года (часть 9 статьи 3).

Заявитель — гражданин Е. В. Потоцкий — 15 июля 2013 года направил должнику по трем договорам займа, заключенным в 2003 году, требование о возврате долга в течение тридцати дней (до 15 августа 2013 го-

да), которое должником исполнено не было. 18 сентября 2013 года Е. В. Потоцкий обратился в суд, однако к этому времени вступил в силу Федеральный закон от 7 мая 2013 года, что позволило судам отказать в удовлетворении заявленных требований со ссылкой на новый порядок исчисления сроков исковой давности, несмотря на то что условие об обращении в суд не позднее десяти лет со дня возникновения обязательства на момент возникновения договорных обязательств в 2000 году законодательством не предусматривалось.

Конституционный Суд указал, что законодатель, реализуя свое исключительное право на придание закону обратной силы, учитывает специфику регулируемых правом общественных отношений; обратная сила закона применяется преимущественно в отношениях, которые возникают между индивидом и государством в целом, и делается это в интересах индивида; в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица, обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон (см.: *решение от 1 октября 1993 года № 81-р; определение от 25 января 2007 года № 37-О-О, от 15 апреля 2008 года № 262-О-О, от 20 ноября 2008 года № 745-О-О, от 16 июля 2009 года № 691-О-О, от 23 апреля 2015 года № 821-О* и др.).

В силу приведенных правовых позиций введение федеральным законодателем правила о том, что сроки исковой давности по бессрочным обязательствам, применяются к требованиям, сроки предъявления которых не истекли до 1 сентября 2013 года, нарушает конституционные предписания, поскольку лишает участников гражданского оборота, которые состоят друг с другом в длительных (более десяти лет) договорных правоотношениях, права на судебную защиту.

Рассматриваемое правовое регулирование не согласуется также с ранее сделанным Конституционным Судом выводом о том, что внесение законодательных изменений, оказывающих неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно сопровождаться соблюдением принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, что предполагает в случае необ-

ходимости предоставление гражданам возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям (см.: *Постановление от 24 мая 2001 года № 8-П*). Однако с учетом даты официального опубликования Федерального закона от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ (8 мая 2013 года) федеральный законодатель предоставил участникам соответствующих правоотношений менее 4 месяцев. По мнению Суда, данный срок не может расцениваться как достаточный по своей продолжительности переходный период для адаптации и реализации кредитором своих прав с учетом требований законодательства и условий исполнения обязательства, которые могли быть предусмотрены в законе или договоре.

Руководствуясь этим, Конституционный Суд не исключил права федерального законодателя внести изменения в переходные положения Федерального закона от 7 мая 2013 го-

да № 100-ФЗ в целях установления разумного срока, в течение которого исковая давность не считалась бы истекшей и кредитор по бессрочным обязательствам в случаях, когда на момент вступления в силу абзаца второго пункта 2 статьи 200 ГК РФ в новой редакции установленный им десятилетний срок для защиты нарушенного права истек, мог бы, в частности, предъявив требования об исполнении обязательства в судебном порядке, рассчитывать на получение эффективной судебной защиты.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод; постановление Европейского Суда по правам человека от 6 марта 2003 года по делу «Ясюниене (*Jasiuniene*) против Литвы».

Особое мнение по данному делу представил судья Г. А. Гаджиев.

Постановление от 16 февраля 2016 года № 4-П по делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 18.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 11 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201602190002; дата опубликования: 19.02.2016)

Правовые категории в Постановлении: правовое положение иностранных граждан; пересечение Государственной границы Российской Федерации; разрешение на временное проживание; виза.

Заявители: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и гражданин Федеративной Республики Нигерия Х. Э. Увангве.

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП РФ, статьи 11 Закона РФ «О Государственной границе Российской Федерации» и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о выезде из России иностранного гражданина, въехавшего в Россию по визе, срок действия которой на день выезда истек.

Позиция заявителей: оспариваемые законоположения в их взаимосвязи противоречат статьям 19, 27, 45, 46, 55 и 62 Конституции РФ, поскольку, позволяя привлечь иностранного гражданина, имеющего разрешение на временное проживание в России и выезжающего из России, к административной ответственности за отсутствие у него действующей визы, ограничивают его право на выезд из России, что представляет собой несправедливое, неоправданное и чрезмерное правоограничение, которое не отвечает конституционным принципам равенства, формальной определенности закона, необходимости и соразмерности ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Итоговый вывод решения: признать оспариваемые законоположения не противоречащими Конституции РФ постольку, поскольку в целях защиты суверенитета России,

государственной и общественной безопасности, здоровья населения они устанавливают режим пересечения Государственной границы Российской Федерации, в рамках которого при выезде иностранного гражданина из России осуществляется проверка наличия у него законных оснований въезда в Россию и пребывания в России, и предусматривают административную ответственность за его нарушение. Признать взаимосвязанные положения части 2 статьи 18.1 КоАП РФ и статьи 24 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в истолковании, придаваемом правоприменительной практикой, не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 2, 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в силу неопределенности действующего нормативного регулирования эти положения позволяют привлекать к административной ответственности за нарушение правил пересечения Государственной границы Российской Федерации имеющего действующее разрешение на временное проживание в России иностранного гражданина — в случае, если он при выезде из России предъявил данное разрешение и визу, по которой осуществлял въезд в Россию и срок действия которой истек, — а также отказывать ему в связи с этим в пропуске через Государственную границу Российской Федерации на выезд.

Мотивы решения. Ограничение права иностранных граждан на выезд из России исключительно на том основании, что у них нет сохраняющей свое действие визы на въезд в Россию (на транзитный проезд по ее территории), означало бы их удержание на ее территории, не обоснованное целями, предусмотренными статьей 55 (часть 3) Конституции РФ, и вопреки ее статье 27 (часть 2) и, кроме того, могло бы ограничивать законную юрисдикцию других государств в отношении их граждан, препятствуя этим лицам как в исполнении обязанностей перед своими государствами, так и в получении защиты и покровительства, которые сама Россия своим гражданам гарантирует в силу статьи 61 (часть 2) Конституции РФ.

Данный подход не исключает, однако, установления наличия при выезде иностранных граждан (лиц без гражданства) из России законных условий их въезда в Россию и

нахождения на ее территории, включая соблюдение срока пребывания (проживания), истечение которого, по общему правилу, обязывает лицо выехать из России (пункт 2 статьи 5 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»).

Поскольку виза удостоверяет законность уже состоявшегося въезда (транзита) и пребывания в России, ее предъявление лицом при выезде из России и проверка уполномоченными должностными лицами представляют собой законное условие пересечения иностранным гражданином Государственной границы Российской Федерации, тем более в случаях, когда законность того и другого обусловлена именно визой.

Иностранные граждане (лица без гражданства), однако, могут законно находиться в России не только по визе, но и по другим основаниям, в том числе по разрешению на временное проживание, которое может быть выдано лицам, прибывшим в Россию по визе, а также в безвизовом порядке (статья 61 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Выдача такого разрешения подтверждает законность не только проживания, но и самого въезда в Россию, поскольку названная статья ставит условием его получения именно законный (визовый или безвизовый) въезд.

Согласно пункту 1 статьи 2 этого Федерального закона разрешение подтверждает право лица на временное проживание (до возможного получения им вида на жительство) и должно быть оформлено (как и виза) отметкой в документе, удостоверяющем личность, либо отдельным документом установленной формы. Тот же пункт определяет в качестве законно находящегося в России иностранного гражданина лицо, имеющее действительные вид на жительство, либо разрешение на временное проживание, либо визу и (или) миграционную карту, либо иные документы, подтверждающие право на пребывание (проживание) в России, предусмотренные федеральным законом или международным договором.

По смыслу приведенного законоположения, для того чтобы нахождение в России иностранного гражданина считалось правомерным, достаточно любого из указанных документов. Следовательно, не может считаться

ся необходимой обязанность — при отсутствии о том четкого и однозначного указания в федеральном законе — получать (в отдельных процедурах) несколько разрешений с одинаковым объемом и содержанием предоставляемых прав, тем более когда такие разрешения, равно как и визы, оформляются и выдаются одним и тем же органом Федеральной миграционной службы (часть пятая статьи 25¹ Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»).

Если лицо получило от государства разрешение на временное проживание и приступило к реализации соответствующего права — притом что разрешение и виза предусматривают разные сроки и условия нахождения на его территории, — разрешение на временное проживание в течение срока, превышающего срок ранее выданной визы, не отменяя законность уже состоявшегося по визе въезда, во всяком случае изменяет (продлевает) обусловленное визой время законного нахождения в России.

Наличие у иностранного гражданина, въехавшего в Россию по однократной обыкновенной визе и получившего разрешение на временное проживание в России, обязанности обратиться за получением российской визы временно проживающего лица на срок действия указанного разрешения в законодательстве прямо не закреплено.

Тем самым получение иностранным гражданином на территории России разрешения на временное проживание ставит его в зависимость от надлежащего информирования сотрудниками Федеральной миграционной службы. При этом Административный регла-

мент предоставления ФМС государственной услуги по выдаче иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в России (утвержден приказом ФМС от 22 апреля 2013 года № 214) не содержит конкретного указания на информирование о необходимости дополнительного получения визы.

Статьей 28 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» предусматривает, что выезд из России может быть ограничен, в частности, если лицо привлечено к административной ответственности за совершение административного правонарушения на территории России, и такое ограничение длится до исполнения наказания или до освобождения от наказания (подпункт 5).

Это регулирование усиливает неблагоприятные последствия для иностранного гражданина, въехавшего в Россию по действующей визе и получившего, находясь на территории России, разрешение на временное проживание, но не обратившегося за получением многократной визы на срок действия указанного разрешения и привлеченного в связи с этим к административной ответственности, поскольку, позволяя отказать ему в возможности покинуть пределы России, ставит осуществление данного права в зависимость от исполнения административного наказания и тем самым несоразмерно ограничивает это право.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункты 2 и 3 статьи 2); Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 3 статьи 12).

Постановление от 17 февраля 2016 года № 5-П по делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201602190001; дата опубликования: 19.02.2016).

Правовые категории в Постановлении: административное выдворение за пределы Российской Федерации; вид на жительство; ми-

грационный учет иностранных граждан; право на уважение частной жизни; принцип равноправия; принцип соразмерности.

Заявитель: гражданин Республики Молдова М. Цуркан (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и части 3 статьи 18.8 КоАП РФ в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о назначении административного выдворения за пределы Российской Федерации иностранным гражданам, имеющим вид на жительство и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, в Московской и Ленинградской областях, за однократное неисполнение ими требования о ежегодном уведомлении территориальных органов Федеральной миграционной службы о подтверждении своего проживания в Российской Федерации.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения противоречат статьям 19 (части 1 и 2), 45, 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ в той мере, в какой они обязывают суд, не принимая во внимание какие-либо иные обстоятельства, кроме самого нарушения, назначить иностранному гражданину, имеющему вид на жительство в Российской Федерации, осуществляющему трудовую деятельность и уплачивающему налоги, административное выдворение за ее пределы в качестве наказания за неисполнение обязанности по уведомлению о подтверждении своего проживания в Российской Федерации, если он совершил такое нарушение в Москве либо в Санкт-Петербурге или в Московской либо Ленинградской областях. Тем самым, считает заявитель, лица, не подтвердившие своего проживания в Российской Федерации, но имеющие вид на жительство, ставятся в худшее положение по сравнению с другими иностранными гражданами, которые могут пересекать границу Российской Федерации, не имея разрешения на проживание в ней, что означает несоразмерное конституционно значимым целям и ценностям ограничение их прав, гарантированных Конституцией РФ.

Итоговый вывод решения: положение части 3 статьи 18.8 КоАП РФ признано не соответствующим Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 27 (часть 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой оно не допускает возможность отказа от назначения административно-

го наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации в случае однократного нарушения иностранным гражданином, имеющим вид на жительство в Российской Федерации и зарегистрированным по месту проживания в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, требования пункта 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», если суд — учитывая длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство и другие обстоятельства — придет к выводу, что административное выдворение, влекущее пятилетнее ограничение права на въезд в Российскую Федерацию, является чрезмерным ограничением права на уважение частной жизни и несоразмерно целям административного наказания.

Впредь до внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений судам при применении части 3 статьи 18.8 КоАП РФ следует руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда РФ, изложенными в настоящем Постановлении.

Судебные постановления, вынесенные в отношении М. Цуркана, подлежат пересмотру, при условии что для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. Обязывая иностранных граждан, постоянно проживающих в Российской Федерации, ежегодно подтверждать свое в ней проживание, уведомляя о том органы Федеральной миграционной службы, пункт 6 статьи 8 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» оставляет на их выбор способ исполнения данной обязанности — лично, либо почтовым отправлением, либо электронным документом, в том числе по сети Интернет на единый портал государственных и муниципальных услуг, устанавливает исчерпывающий перечень сведений, подлежащих внесению в уведомление, и не допускает требования иных документов и других, помимо прямо указанных, сведений.

Касаясь вопроса об административной ответственности за нарушение правил миграционного учета, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что установление федеральным законом административного выдворения за пределы Российской Федерации как обязательного наказания за определенные миграционные правонарушения не противоречит Конституции РФ (см.: *определения от 5 марта 2014 года № 628-О и от 24 июня 2014 года № 1416-О*).

Не свидетельствует о превышении конституционно допустимых пределов законодательного усмотрения, равно как об отступлении от принципа равноправия и сама по себе однократность неисполнения иностранным гражданином обязанности подтверждать свое проживание в Российской Федерации как основание для применения к нему административного выдворения за ее пределы.

Что касается установления более строгой административной ответственности за административные правонарушения, если они совершены в Москве, Санкт-Петербурге, Московской либо Ленинградской области, то повышенная социально-экономическая привлекательность указанных субъектов Российской Федерации для иностранных граждан, осложняющая в силу их сравнительной многочисленности миграционную обстановку, и сопутствующие этому повышенные риски для миграционного правопорядка могут служить основанием для установления различий в административных наказаниях за нарушение иностранным гражданином режима пребывания (проживания) в Российской Федерации в зависимости от места совершения данного административного правонарушения, что само по себе не означает отступления от конституционного требования пропорциональности (соразмерности) в части строгости соответствующих санкций (см.: *постановление от 22 апреля 2014 года № 13-П*).

Между тем предоставление иностранному гражданину вида на жительство, как правило, свидетельствует о признании со стороны государства особого правового состояния данного лица, обусловленного установлением длящихся социальных и экономических отношений его с государством на основе взаимного доверия.

Соответственно, государство призвано принимать необходимые меры к поддержа-

нию лояльности таких иностранных граждан, доверия к своим действиям и к закону (*постановления от 24 мая 2001 года № 8-П, от 15 мая 2006 года № 5-П, от 22 марта 2007 года № 4-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 10 ноября 2009 года № 17-П и др.*). В свою очередь, иностранный гражданин, испрашивая и получая право на постоянное проживание в России и законопослушно реализуя его в течение достаточно долгого времени, имеет основания ожидать, что государство не оставит без внимания и уважения качество и длительность уже сложившихся правоотношений и не лишит его данного права за единичное неисполнение обязанности по соблюдению правил миграционного учета.

Суды, рассматривая дела о нарушении иностранными гражданами режима пребывания (проживания) в Российской Федерации, влекущем административное выдворение за пределы Российской Федерации, должны иметь возможность учитывать при назначении административного наказания обстоятельства, позволяющие надлежащим образом оценить соразмерность его последствий целям введения данной меры административной ответственности, в том числе длительность проживания иностранного гражданина в Российской Федерации, его семейное положение, отношение к уплате российских налогов, наличие дохода и обеспеченность жильем на территории Российской Федерации, род деятельности и профессию, законопослушное поведение, обращение о приеме в российское гражданство.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (статьи 3 и 8); Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года) (пункт 1 статьи 2); постановления Европейского Суда по правам человека от 21 июня 1988 года по делу «Беррехаб (*Berrehab*) против Нидерландов», от 24 апреля 1996 года по делу «Бугханеми (*Boughanemi*) против Франции», от 26 сентября 1997 года по делу «Эль-Бужаиди (*El Boujaidi*) против Франции», от 18 октября 2006 года по делу «Юнер (*Uner*) против Нидерландов», от 6 декабря 2007 года по делу «Лю и Лю (*Liu &*

Liiv) против России», от 28 июня 2011 года по делу «Нунес (*Nunez*) против Норвегии» и от 27 сентября 2011 года по делу «Алим (*Alim*) против России»; решение Европей-

ского Суда по правам человека от 9 ноября 2000 года по вопросу о приемлемости жалобы «Андрей Шебашов (*Andrey Shebashov*) против Латвии».

Постановление от 25 февраля 2016 года № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201603010001; дата опубликования: 01.03.2016)

Правовые категории в Постановлении: суд присяжных; запрет дискриминации; дискриминация по признаку пола; подсудность уголовных дел.

Заявитель: гражданка А. С. Лымарь (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ постольку, поскольку этими положениями исключается — с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК РФ, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, — предусмотренная пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренном частью второй статьи 105 УК РФ.

Позиция заявителя: положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ нарушают права, гарантированные статьями 17 (часть 1), 18 и 19 Конституции РФ, поскольку во взаимосвязи с другими положениями данного Кодекса они не позволяют лицам женского пола, обвиняемым в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, воспользоваться — в отличие от лиц мужского пола не моложе восемнадцати лет и не старше шестидесяти пяти лет — правом ходатайствовать о рассмотрении своего уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, что противоречит конституционному принципу равенства перед законом и судом, гарантируемого всем неза-

висимо от пола, расы, национальности и других обстоятельств.

Итоговый вывод решения: положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 17 (часть 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, при том что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе.

Федеральному законодателю надлежит внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей без какой бы то ни было дискриминации.

Мотивы решения. Избранный федеральным законодателем подход к определению категорий уголовных дел, которые могут быть рассмотрены судом с участием присяжных заседателей, в целом не основан на учете половозрастных характеристик обвиняемого. Однако данный подход выдерживается не всегда. В частности, по прямому предписанию пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ в их систем-

ной связи с соответствующими положениями УК РФ уголовное дело об убийстве при отягчающих обстоятельствах (часть вторая статьи 105 УК РФ), совершенном женщиной, как не относящееся к подсудности верховных судов республик и приравненных им по уровню судов, ни при каких условиях не может быть рассмотрено судом в составе судьи такого суда и коллегии присяжных заседателей в отличие от уголовного дела о таком же преступлении, в совершении которого обвиняется мужчина. Сама по себе законодательная дифференциация подсудности уголовных дел определенной категории в зависимости от возможности назначения наиболее строгого вида наказания (каковым в рамках действующего в России режима неприменения смертной казни является пожизненное лишение свободы) допустима, поскольку направлена на реализацию принципов гуманизма и справедливости. Однако, чтобы достичь этой цели, федеральный законодатель обязан соблюдать принцип юридического равенства, закрепленный в том числе статьями 17 (часть 3), 19 и 55 (часть 3) Конституции РФ, который гарантирует мужчинам и женщинам равные возможности для осуществления права на судебную защиту и, следовательно, права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей. Отсутствие у женщин в ряде случаев возможности рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о совершенных ими преступлениях, обусловленное частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, а также пунктом 1 части третьей статьи 31 УПК РФ, не имеет под собой каких-либо конституционно-правовых оснований и — притом что мужчины в аналогичных случаях права заявить соответствующее ходатайство не лишены — приводит к дискриминации лиц женского пола при реализации ими права на судебную защиту.

Соответственно, если мужчина, обвиняемый в совершении в соучастии с женщиной преступления, отнесенного к подсудности суда с участием присяжных заседателей, заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела судом в данном составе, при отсутствии возражений со стороны подсудимой женщины и (или) при невозможности выделения в отношении нее уголовного дела в отдельное

производство уголовное дело в целом рассматривается судом с участием присяжных заседателей; если же мужчина не настаивает на рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, то, по смыслу пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ в системной связи с частью второй его статьи 325, вопрос не может быть решен в пользу суда с участием присяжных заседателей, даже если о рассмотрении уголовного дела таким составом суда ходатайствует женщина.

Кроме того, уголовные дела о преступлениях, по которым согласно положениям Общей части УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, хотя они предусмотрены в качестве санкции соответствующей статьей Особенной части данного Кодекса, если в таких преступлениях обвиняются женщины, подлежат рассмотрению в районном суде, мужчины же в такой ситуации имеют право выбора между судом с участием присяжных заседателей, судом в составе судьи федерального суда общей юрисдикции или коллегии из трех судей федерального суда общей юрисдикции, причем их уголовные дела любым из этих составов рассматриваются в верховном суде республики, краевом, областном или другом равном им по уровню суде.

Тем самым вытекающая из пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ во взаимосвязи с положениями Общей части УК РФ дифференциация подсудности уголовных дел ограничивает женщин в реализации права на законный суд и в праве на равную с мужчинами судебную защиту прав и свобод, гарантированных Конституцией РФ.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 1 Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин (принята Генеральной Ассамблеей ООН 7 ноября 1967 года); статья 7 названной Декларации; статья 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1979 года); статья 2 указанной Конвенции.

Обзор подготовили: Тимофей Виноградов, Ольга Подопрелова, Татьяна Храмова. Редактор: Лев Иванов.